

Святая Русь. Худ. Нестеров М.Н. 1901–1906

ПЕРЕВОДЫ

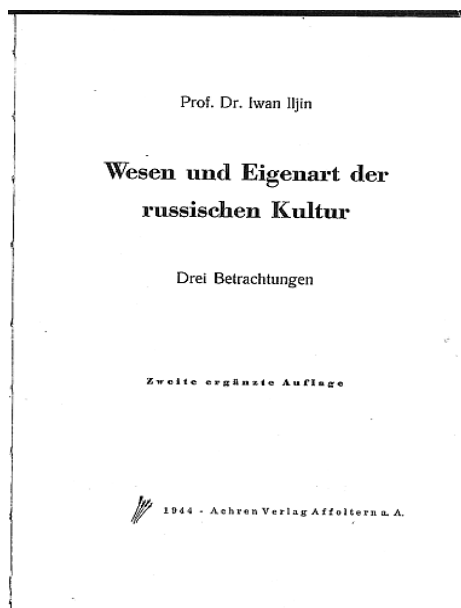
Ильин И.А.

**Из книги
«Сущность и особенность русской культуры»
(1944)**

Три размышления

I. Вступительное слово

Россия, как явление культуры и как народ, для западного европейца до сих пор является неоткрытой областью, непонятной проблемой, неким вызывающим беспокойство сфинксом. При каждой возможности европейец всё ещё задаётся вопросом: что это за народ? Что он может? Чего он хочет? Чего от него ожидать? При этом и язык русского народа кажется странным и сложным, и лишь очень немногие могут себе позволить исследовательское путешествие в Россию, – потому с почтением взирают на тех, кого вынуждены называть «знатоками России» и чьи суждения лишь в редчайших исключительных случаях базируются на верных знаниях и подлинной ответственности.

Так не должно оставаться. Люди доброй воли не интересуются тем, что огромный народ Восточной Европы со всеми своими склонностями, дарованиями и сокровищами, как загадочное чудовище, остаётся скрытым в сумерках незнания или присутствует грозящим привидением. В данном вопросе должны быть достигнуты свет и истина. Так как духовный мрак всегда несёт в себе опасность исказить и опозлить живую тайну сотворённого Богом мира и превратить человека в несвободного, ибо мыслящего предвзято, судью. В действительности же человек рождён для свободного самосозерцания и свободной любви.

На земле нет книги, которая была бы способна заменить или сделать ненужным непосредственное переживание, живое созерцание, человеческое вчувствование. Но иногда бывает достаточно в сочинении или некоем размышлении вызвать волю к познанию: в нём лишь следует показать скрытую красоту незнакомого предмета в скромной и строгой объективности. Именно это я и хотел попытаться сделать в моих размышлениях.

Само собой разумеется, что в этих размышлениях я могу дать лишь очертания русской народной души и культуры, но эти очертания глубоки и судьбоносны. Также понятно, что у каждого народа есть свои слабости, недостатки и опасности и что каждое поверхностное «знание» с удовольствием обрушивается на подобные недостатки и далее этого не идёт. Совершенно по-особенному происходит это в нашу эпоху, ибо современные люди рождены для упрёков, – из всего Ахилла видят они лишь «пяту» (Мария Эбнер-Эшенбах). Но именно поэтому было бы правильнее возбудить предметный интерес и к самому «Ахиллу», пробудить волю к справедливому суждению.

Вопрос следовало бы поставить по-новому: что это за народ по всей своей сути и особенности? Что это за сила, о слабостях которой до сих пор с таким удовольствием говорили? Что это за богатство, которого столь часто не хватает?

Положительное даёт только любовь; и любовь, когда она начинает созерцать и размышлять, есть, возможно, величайшая познавательная сила человеческой души. Именно она также является и тем, что даёт человеку право на критику; лишь тогда критика становится справедливой, творческой и требовательной. Критика без любви и понимания есть критиканство и зависть. В моих размышлениях этого невозможно будет найти. Справедливую же, творческую критику, которая возникает из любви и произносится с болью, я не забуду, как и прежде, высказать своему народу сам – и, как это говорится по-русски, «с глазу на глаз».

То, что я здесь излагаю, есть исследования о душе и судьбе моего народа. Уже по одной этой причине я вообще не занимаюсь современностью, так как она ещё не подлежит исследованию. В своих наблюдениях я ищу показать истинное лицо и творческую идею моего народа и хотел бы при этом полагать, что моё русское происхождение и моя русская сущность не осложняют мне решение этой задачи, а во многом облегчат, даже, возможно, раскроют его. Так как я владею языком моего народа, который есть мой родной язык, – а язык является фонетическим, ритмическим и морфологическим отпечатком народной души. Я пережил пространственную и природную действительность моего народа, я в ней вырос и мог ею наслаждаться до моего тридцатидевятилетия. Природа же есть колыбель, мастерская и смертное ложе народа; пространство вокруг есть его судьба и воспитатель, преддверие его творческого духа, его окно к Богу... Мне знаком творческий акт моего народа, и я живу в нём как человек и исследователь; я знаю, как мой народ любит и верит, созерцает и мыслит, работает и голодает, страдает, смеётся и танцует. На протяжении всей своей жизни я изучал прошлое моего народа, его исторические витки и страдания, его проблематику, вехи его прошедшего и колыбель его будущего, и я прилагаю усилия к справедливой оценке всего этого в моём исследовательском суждении.

Факты и документы могут говорить теперь сами за себя.

Ко второму изданию этих размышлений я постарался сколь возможно мало изменить текст моей книги. То, что я имену сказать о моём народе и моей земле, мною созерцалось, обдумывалось и вынашивалось на протяжении десятилетий жизненного опыта и учёбы. В этой книге ещё многое не создано. Мне пред-

стоят к написанию дальнейшие главы: «Главные национальные проблемы России», «История русской государственности», «Вечно женское и вечно мужское в русской душе», «Душа русского народа в сказках и легендах», «Русское понимание искусства и совершенства в искусстве», «Покой и радость в восточном ортодоксальном мирозерцании», «Сущность русской поэзии» и, как заключительная глава, «Русская творческая идея». Возможно, однажды будут нам дарованы более благоприятные времена, которые поспособствуют возникновению этой работы полностью, и это стало бы также моим наследием.

В данном издании книга получила больше добавлений в тексте и в приложении («Хронологическая таблица русской истории», «Путеводитель к изучению русской истории»), равно как и наглядное членение на отдельные маленькие главы. Предварительно в такой форме книга могла бы развиваться и далее.

Июль 1944.
Автор.

1. Душа¹ 1. Основные силы

Если я предпринимаю здесь попытку завершающего синтеза и описываю русскую душу в общем и целом, то я должен чётко констатировать следующее:

Я вовсе не стремлюсь к идеализации русской души: что она имеет, присуще ей постоянно, что в ней отсутствует, то она ещё должна обрести в страдании и терпении. Каждый народный характер обладает своими хорошими свойствами и недостатками. Меня же охватывает то, что называется желанием показать именно особенность русской души. Эту особенность сам русский осознал через Пушкина, Хомякова и Достоевского, и сейчас пришло время признать эту особенность перед всей Европой.²

Чтобы постичь эту особенность русской души, очень важно различать *первичные* и *вторичные* душевно-духовные силы. Первичные силы есть силы жизнеопределяющие и направляющие духовно-творческую активность. Вторичные силы примыкают к первичным, определяются и руководятся последними и в них же обретают свой закон и творческую окраску. Это деление у разных народов оформляется совершенно по-разному. И особенность каждого народа определяется тем, какие душевно-духовные силы становятся первичными и основополагающими, акцентированными и движущимися впереди, а какие призваны им следовать.

Так, у древних римлян были ведущими и определяющими трезвая воля (и совершенно по-особенному воля к власти), равно как и расчётливый аналитический практический разум, и христианский Рим принял это наследие. Пластическое воображение, любовь к свободе и хитрая жажда изобретательности были первичными и определяющими для древней Греции, и современные греки могут лишь сами расценить, насколько верны они остаются этим традициям-попунктам. Мечтательность, созерцательная фантазия и одушевление созерцаемого содержания были первичными и определяющими для азиатских индусов и т.д.

Русская душа есть прежде всего дитя чувства и внутреннего созерцания. Её культурно-творческий акт есть сердечное видение и религиозная устремлённость совести. Но её любовь и созерцание свободны, свободны, как пространство, как равнины, как живой организм природы, как молящийся дух; поэтому русский нуждается в свободе и ценит её, как воздух для лёгких, как пространство для движения. Русская культура воздвигнута на сердце и внутреннем чувстве, на созерцании, на свободной совести и свободной молитве. Это первичные силы и состояния русской души, выношенные её богатырским темпераментом. Как вторичные силы выступают в действии воля, зрелое мышление, правосознание и организаторская способность.

Этим проясняются и очерчиваются таланты и задачи русской души. Чувство и созерцание как основополагающие качества характера очень ценны, для христиан незаменимы, но сами по себе они ещё не формируют характер: последний требует чёткой воли и объективного мышления. Поэтому воспитание характера есть следующая и важнейшая задача русского народа. Совесть и сердце должны наполнять собой и определять волю, указывать мышлению истинный предмет и верные направления, облагораживать и углублять организаторскую способность (в частной и социальной жизни), воспитывать и усиливать правосознание. Таким образом в России был бы проложен путь к творческому обновлению культуры в христианском духе, то есть согласно традициям.

Что же касается именно правосознания, то было бы абсолютно неверным отрицать в русском народе сознание долга и права, способность организоваться и социально-морфологическую вместимость. Тысяча лет государственности, шестая часть территории земли, своеобразная культура во всех областях жизни – всё это недвусмысленно говорит само за себя. Но для солидной формы и силы русскому ещё не хватает правосознания. Душа русского заключает в себе избыток свободного чувства и спонтанного созерцания. Здесь всё «вливается» в него как бы само, обильно и легко. Напротив, дисциплины в воле и в мысли ему надо сначала добиться, это его историческая задача, то, чего он не имеет готовым, в изобилии, это ему нужно ещё возвращать, нужно этого достигать, добиваться. Если же русский отнесётся с пренебрежением ко всему этому, то в нём проснётся мечтатель, анархист, беззаботный гедонист, темпераментный искатель приключений – причём все эти типы только подтверждают его русскую самобытность: все эти люди добронравны, гостеприимны, они

¹ При переводе сохранено авторское оформление текста, где римскими цифрами пронумерованы разделы книги, арабскими – главы внутри этих разделов. – *Прим. переводчика.*

² В западноевропейской литературе она лучше всего была описана Шубартом («Европа и душа Востока»). При этом критико-пропагандистскую, римско-католическую тенденцию этой книги мне бы не хотелось принимать во внимание.

хорошие товарищи, люди с живым чувством и совестью, которые по преимуществу сами знают свои грехи и недостатки и уже только поэтому способны внезапно одуматься и начать новую жизнь, – и всё время они где-то, в последней глубине, верят в Бога и мечтают о «всеобщем счастье».

Из этого уже многое видно. Русская душа не ужасающий «сфинкс»; кто её за такого принимает и выдаёт, тот обделён способностью вчувствования и видения при дневном свете. Русская душа требует верного понимания и не желает быть смешанной с подчиняющимися её иностранному влиянию и затыкающими ей рот течениями и идеологиями (такими, к примеру, как большевизм). Она заслуживает живого вчувствования и самым тёплым образом на него откликается. Как душа, исполненная свободного чувства и свободного созерцания, она будто рождена для христианства, и её последнее и единственное основание, следовательно, находит себя в вере и в религии.

<...>

3. Структура веры

Там, где совершенство стало реальностью и проявляет себя через неё, как в человеческом облике Христа, там, где реальность стала совершенной и таковой открывается человеку, как в человеческом явлении Сына Божия, русский усматривает Бога, ибо его сердце полноту совершенства ощущает как высшую силу, – и тогда возгорается его сердце и ощущает легкое дыхание блаженства. Итак, не «совершенство как задача», как «бесконечная задача» или далёкий идеал, как мыслил Иоганн Готлиб Фихте: это была бы не религия, но чисто интеллектуальный идеализм. Равно как и не земная сила без совершенства: это было бы примитивное язычество с его заменяемыми идолами или открытое почитание насилия и фактическое перед ним преклонение. Но – реальное совершенство. Если это «на небесах», то такое совершенство и есть истинный образ Бога: Бог-Отец как сила любви, в основе своей добрая, могущественная и потому творческая; Бог-Сын как исходящая из творческой доброты и спасающая через страдания в человеческом образе сила любви; Бог-Дух Святой как ведущая, утешающая, открывающая всё и делающая ясным сила любви. Если это на земле, в природе или в человеке, такое совершенство – живая ткань Божия, Его свет, Его промысел, Его закон, Его слово, Его любовь, Его разум, Его красота или, одним словом, Полнота Божья, постигнутая в становлении, охватывающая нас и просветляющая, – всё это должно открыться свободному сердечному созерцанию.

И возможно ли верить, не созерцая? Может ли вера исходить из волевого решения или возникать из умозаключения? Могут ли интеллектуальное соображение или доказательность заменить сердце и акт созерцания? Может ли волевое напряжение исклещать созерцающее сердце или сделать его ненужным?...

Я не знаю. Если это всё-таки возможно, то для русской ортодоксальной веры равно остаётся чем-то чуждым и едва понятным. Русская ортодоксальная вера, со своей стороны, не исключает волю, но воля здесь – вторичная, подчиняющаяся сила, которая приводится в движение основополагающим сердечным созерцанием, и определяется согласно направлению, и облагораживается согласно содержанию, чтобы затем свободно, твёрдо, горячо и неустанно действовать. Воля без сердечного созерцания стала бы человечески-субъективным произволом, который, исходя из жажды наживы и власти, стремился бы заменить божественные цели человеческими надобностями. Это был бы ложный путь. Путь ортодоксальный совсем иной: сначала любить, в любви созерцать и только потом проявлять волю.

Русский ортодоксальный религиозный акт, однако, вовсе не отвергает мысль. Но мысль не может служить источником веры. Неверующий человек может признавать все доказательства, всё в себе иметь продуманным и даже обладать стройной всеохватывающей теоретической системой. Но мысль в религии не первична – она первична в одной лишь логике. В религии она, скорее, третична, так как даже в качестве теологической мысли она используется после сердечного созерцания и действующей воли. Мысль без сердечного созерцания есть не более чем беспочвенное конструирование; выдумать можно многое, но всё, выдуманное таким образом, остаётся мёртвым и пустым, гипотетическим содержанием мысли, абстракцией воздушного замка. Конечно же, есть разум, в котором мысль начинает созерцать и направлять себя к духовному опыту. Есть также и христианский разум, и он поистине есть нечто чудесное, но областью его зарождения является только христианское сердце. Итак: сначала любить, затем из любви и с любовью созерцать, затем действовать соответственно и согласно воле и только потом возлюбленное, обретенное в опыте, пережитое разумно осмысливать.

Именно таким образом возникает ортодоксальная теология, и именно с первых апостольских времён. Таковой была христология первых апостолов и величайших отцов церкви первых столетий. Эта традиция продолжается далее в русской ортодоксии. В подобной теологии не делается акцент на интеллектуальном акте, потому Григорий Назианзин (328–390) с его аристократически-платоновским интеллектуальным актом мог бы быть расценен как исключение. Теология также лишь вторично подкрепляется волонтаризмом. Её дух держится на Евангелии от Иоанна и посланиях апостолов: Иоанна, Петра и Иакова; мышление же Павла, при полном содержательном признании, остаётся не столь решающим, не доминирующим. Сила и глубина данной теологии не в построении «системы» или предвидении всех возможных моральных ситуаций и конфликтов. Её творческая сила – сердечное созерцание и молитвенное упражнение (также именуемое «духовной практикой» или «духовным деланием»). Она гораздо более поддерживается мистически и созерцательно; она устремлена к сердечному просветлению и нравственному, совестному созерцанию. Она по-особенному ориентирована на абсолют христианской жизни и в гораздо большем смысле базируется на бытии, чем на мышлении. Для неё животрепещущ вопрос: что должен человек делать, чтобы просветить своё сердце, чтобы созерцать божественное, любить Бога, осуществлять всё в жизни по воле Божьей? Как может прийти душа человеческая к истинной молитве? Где лежит путь к христианскому совершенству? Высочайшую точку этой теологической практики и исследования Ма-

карий Египетский (300–391) обозначил словом $\theta\epsilon\omega\sigma\iota\varsigma$ и $\theta\epsilon\omega\pi\omicron\iota\eta\sigma\iota\varsigma$, что, по речению его, есть ничуть не меньше, чем обожение человеческой души и осуществление Духа и всемогущества Божия на земле.

В основании всего лежит удивительное свойство восточной ортодоксии: а именно – детски-благотворное принятие всерьёз христианского максимализма в его догматизме, пророчестве и практике, в особенном стремлении к совершенству, к близости к Богу. Восточно-ортодоксальный христианин верит в возможность достижения Царства Божия, которую открыл Христос людям; он верит в осуществление Богочеловека в человеке почти так же, как среди западных мистиков в XIII–XIV веке верил в это Мейстер Экхарт. Здесь речь идёт не об «имитации» Христа, как учит Томас Кемпен, но о живом становлении Бога в человеческой душе через преобразование в божественной ткани мира. Ибо весь мир тоскует по Господу, всё творение вздыхает о Нём, поёт Ему, желает быть спасённым и освобождённым, желает будто проникнуть в его ткань.¹ Между природой и Богом, как высочайшее творение, как духовное и ответственное творение, стоит человек, призванный к богочеловечеству, согласно христианскому откровению, наделённый свободной волей и бессмертной душой, принявший Святого Духа и трудящийся ради преобразования мира. И всё, во что веруется, исходя из этого содержания, в ортодоксии не было обесилено, релятивировано или минимализировано исторически-критическим или морально-теологическим лукавым мудрствованием. Всё было принято целиком и полностью, созерцательно и конкретно, с сознанием долга и уполномоченности. Бог призывает. Также и человек *может*, если только *хочет*.

<...>

10. Духовное мировоззрение

Описание русской христианской веры, на которое я здесь отважился чисто профессионально, должно предпринять ещё некоторые шаги в глубину и осветить особенную для каждой религии и также совершенно особенную для христианского восточного благочестия основополагающую проблему «материя-дух».

Можно легко себе представить, что образованный европеец уже много слышал об ортодоксальном культе икон, о почитании мощей святых, о поклонении умершим святым, о вере в чудеса и, вероятно, много раз значительно пожимал плечами по поводу этих «предрассудков», этого «фетишизма», этой «идолатрии». И подобное пожимание плечами понятно, потому что никто не оказался в состоянии верно и благоразумно исследовать и оценить сам предмет, ибо не хватало акта внутреннего восприятия, который необходимо данному предмету сопутствует. Поэтому было бы моим долгом для всех этих проблем, для их распутывания и прояснения, предложить путеводную нить.

В основе всего ортодоксального мировоззрения лежит именно факт внутреннего опыта: материя и дух в человеке связаны на протяжении всей жизни – и таинственным образом, и они влияют друг на друга, но дух не нуждается в подчинении телу – наоборот, дух призван концентрироваться, собирать свою силу, накапливать её и подчинять себе тело. Тогда тело будет не определяющим и страдающе заблуждающимся фактором жизни, но послушным *носителем духа*, его подлинным *инструментом*, его *выражением*, его живым *органом* и *символом*. В человеке происходит некая духовная «аккумуляция», и тогда тело не просто *отображает* накопленное духовное богатство, но и выражает его *живое динамическое действие*. Это именно и есть общий результат внутренней жизни.

Собственно этот факт всем нам знаком, но по преимуществу мы пропускаем его равнодушно мимо. Мы говорим только: если подобная аккумуляция удаётся, человек обретает положительный духовный характер, если нет – он остаётся бесхарактерным, неким непостоянным, неизмеримым, растрёпанным страдающим творением.

Ортодоксальное же мировоззрение воспринимает данный факт вполне серьёзно и делает из него общие выводы; оно охватывает этот факт сердечным созерцанием, обобщает его значение, углубляет последнее в религиозном и художественном отношении и выстраивает в обширную мировоззренческую систему.

Это должны мы теперь проследить и осмыслить.

Человеческий дух, который осуществляет аккумуляцию в просветлении и молитве, участвует в божественной благодати и силе и переживается как истинная и подлинная реальность. Человеческое тело, как сказано, становится его материальным носителем, выражением, инструментом и символом. Эта духовная реальность не есть только лишь кажимость, никакое «как если бы», не есть иллюзия. Она утверждает себя перед ликом Божиим и находится в благословенной и живой связи с Богом, которую в некотором смысле можно назвать «идентификацией». И это должно проявлять себя во всех отношениях. Человек, как призванный сын божий, не есть случайная и преходящая, несущественная половинчатость, не есть «животное» или «персть». Его дух, который осуществил себя перед Господом, само собой, должен реализовывать себя и утверждать своё главенство по отношению к материи, к природе и к другим людям. Так и начинается духовное утверждение.

Индивидуальный дух, согласно ортодоксальному разумению сердцем, не есть преходящее небытие. Он – самостоятельное, ответственное творение, которое должно пройти свой самобытный путь в земной жизни, равно как и в истории и системе всего мирового целого. Однако этот земной путь есть лишь начальный эпизод. Дальнейшее, хотя и скрытое, ожидает своего и доступно лишь нашему ощущению и надежде. Это значит, что человеческий дух, в своей неповторимой индивидуальности, бессмертен и что смерть тела его не касается. Освобождённый Спасителем от первородного греха, дух человеческий при-

¹ По-видимому, в этом направлении развивалась мысль и Г.Т.Фехнера, когда он писал свою глубочайшую книгу «Нанна, или о душевной жизни растений».

зван воспринимать свой земной путь, своё совершенство и любовь, своё страдание, свою смерть, своё воскресение в преображённой телесной форме как основной завет и с глубокой уверенностью ждать его осуществления даже в незнакомых и превышающих силы временных обстоятельствах. Человек на земле должен по-христиански любить, бороться и страдать; он должен ожидать отделения духа от тела в земной смерти; он должен надеяться на грядущее воскресение как соединение бессмертного духа со своим преображённым телом. В этом состоит основная концепция ортодоксального христианства. Этому откровению и этой надежде русский народ поклонялся тысячелетия.

Такую веру в бессмертие души русский воплотил для себя настолько, что находится к ней в отношении абсолютной уверенности и (что примечательно!) начинает безгранично печалиться, если однажды её теряет. Это совершенно по-особенному касается «просвещённой» интеллигенции в России.

Глубокомысленнейший русский поэт XIX столетия, переводчик «Илиады» Гнедич (1784–1833) написал на смертном одре, как признание, следующие строки:

Жив Бог – и в нём душа живёт!
И ты, о человек, венец творенья,
Воскреснешь: нет мертвецов при Господине!

Величайшие русские писатели: Державин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Тютчев, Алексей Толстой, Лесков – жили и умирали в этой вере. Глубочайшие русские мыслители: Хомяков, Леонтьев, Чичерин, Соловьёв, Лопатин и братья князя С.Трубецкой и Е.Трубецкой – пришли к метафизическому обоснованию этой уверенности. Князь Вяземский, Тургенев, Лев Толстой и Чехов, наоборот, веру эту утратили, и, обратите внимание, их художественно одарённая натура тосковала от невозможности представить себе судьбу индивидуального духа как величественное целое, как наполненный смыслом стремящийся поток; натура их тосковала настолько, что читателю иногда бывает больно от необходимости слышать их вздохи и сопереживать их депрессии.

Что же касается простого народа, то он несёт эту уверенность с могуществом и достоинством на протяжении всей истории. Отсюда также объясняется и удивительный скромный покой в умирании, который присущ русским. Смерть может придти внезапно, как несчастный случай, или крадучись, на ложе болезни, или же на поле брани – но никогда нет в русском человеке ничего подобного малодушию, страху, внутреннему разладу, а лишь сосредоточенная забота о христианском отпущении грехов и чистоте тела. Есть древний обычай: русский солдат перед сражением тщательно моется и надевает чистую «смертную рубаху». И поучительно видеть, как Тургенев, Лев Толстой, Чехов и другие, кто потерял веру, восхищаются и художественно превозносят этот эпический покой, это скромное достоинство, эту *метафизическую свободу*, с которой русский народ идёт на смерть.

11. Царство Божие

Я также берусь утверждать, что ортодоксальное благочестие представляет собой цельное, гармонично ощущаемое и продуманное мировоззрение, согласно которому *над* материальным миром, но одновременно и *внутри* самого материального мира находится цельный духовный мир, а именно живая ткань Божья, в которую человек должен встраиваться душой и телом. Эта ткань могущественнее всего материального, сильнее законов природы и человеческого тела. В этой ткани духовного мира не теряется ничего истинного; каждое благое пожелание, всякая слеза раскаяния, всякий акт любви, будь он даже просто движением внутренней природы, возвышаются в ней и в неё влетают. Это есть ткань другого измерения, которую мы могли бы обозначить как Царство Божие.

Кто однажды заглянул в Царство Божие, и служит ему, и трудится во имя него, тот никогда не согласится поверить в торжество зла, ибо праведный побеждает даже тогда, когда в земном измерении он кажется проигравшим. Кто укрепился в Царствии Божием, не может пойти ко дну. Кто действует по закону этого Царства, живёт в его ритме и сам собой защищён и возвышен. Кто живёт в любви, тот несёт любовь. Кто действует по советам, остаётся в Божьих руках: такой человек не страшится ни природных стихий¹, ни зверя и человека; он спокойно ступит в огонь драконов и саламандр. В Царстве Божием нет также никакого разделения: истинная молитва единит людей, несмотря на их чуждость, и истинная любовь одолевает смерть². Да, сама смерть не разделяет духовно объединённых людей: риза Божья «не сшита, а вся ткана сверху» (Ин. 19:23–24) и не может распасться на части. Такие, как христиане, люди призваны стать членами Царства Божия, через молитву, слово и дело трудиться для преображения человека и природы в Духе Христовом.

Это мировоззрение, однако, не есть некая теория, выдуманная теологами, или хитроумная система, не есть доктрина священника. В гораздо большей степени оно есть живая основа русского ортодоксального народного созерцания, подлинной народной веры, которая постоянно пробивается и проявляет себя при всех возможностях, во всех областях русской культуры, то смиренно молчаливо, в хранимой уверенности, то в поэтических строках, то в героическом деянии, то в могильной надписи, то в прекрасном нраве, то в царском законе³.

¹ См. стихотворения Пушкина «Арион» и «Дельвигу».

² См. стихотворение Шиллера «Потусторонний голос», блестяще переведённое на русский Жуковским.

³ См., к примеру, основной текст параграфа 67 законов царской России о свободе вероисповедания, которая была признана над всеми конфессиональными и религиозными различиями.

В 1875 году, во время войны в Средней Азии, один русский унтер-офицер, звали которого Фома Данилов, был пленён монгольским племенем кипчаков. Они хотели вынудить его отказаться от христианской веры, нарушить солдатскую присягу, принять мусульманство и помочь им в борьбе против России. Ужаснейшим образом медленно замучили они его до смерти – он же оставался твёрдым и верным. Когда он умер, прозрели и сами его мучители, назвали его «великим героем» и позволили с почестями похоронить его изувеченное тело. – Достоевский подтверждает это событие¹ и ставит вопрос: откуда эта скромная геройская отвага? Откуда эта духовная свобода, эта твёрдость, достигнутая без всякой специальной подготовки и жажды славы, эта одинокая победа над мучением и смертью? Русский народ должен же обладать творческими источниками, которые сделали возможным всё это... Не является ли таким источником русское ортодоксальное сердечное видение?

Один бывший австрийский пленный, который провёл в России в отдалённом лагере для военнопленных в Сибири с 1915 по 1918 год, рассказывал мне позднее, сколь велико, даже всеохватывающе было его удивление, когда ему сказали, что с ним хочет поговорить одна русская женщина. Это была обычная крестьянка. Она не знала ни одного слова по-немецки, он не знал ни слова по-русски. Долгое время они вынуждены были объясняться знаками, кивками головы и улыбками. В течение трёх лет она посещала его два раза в неделю, приносила ему продукты, стирала и штопала ему бельё, давала немного денег. Они никогда не оставались одни, это не было так называемым «романом». И когда он освоил язык настолько, чтобы быть в состоянии расспросить её, почему и зачем она это делает, она ответила, что муж её тоже был в плену, и потому она уверена, что, если она творит христианское дело любви чужому военнопленному, Бог позаботится о том, чтобы и её мужу выпала на долю более лёгкая судьба. И так поступали многие другие женщины в России. «Наконец позволено нам было вернуться на родину», – заключил рассказчик; «разлука была тяжела нам обоим; женщина открыла мне своё сердце, я многое понял и рассмотрел: вы хороший народ, и с вами можно было бы жить счастливо», – и слёзы стояли у него в глазах.

Откуда всё это? Нужно ли ещё искать ответ? Основание такого душевного свойства наверняка находится не вне религии и веры...

Конечно же, захочется задать вопрос, наряду с этим благочестием или вокруг него не может ли случиться некое безобразие и бесчинство. И не играет ли здесь неминуемую роль суеверие? На это можно ответить лишь так: здесь, как и везде в мире, суеверие играет некоторую роль. В каком земном водоёме нет мутной воды? Стоит ли поэтому с водой выплёскивать ребёнка? Где можно найти человека без изъяна? Где не творят беззакония дурные люди? Стоит ли в силу этого отвергать всякое добро до тех пор, пока все не станут надёжными и хорошими. А суеверие? Не возникает ли оно от слишком сильной и слишком горячей веры? И стоит ли поэтому делать вывод, что верить следует сколь возможно мало и сколь возможно скупое? Или гораздо более правильно следовать очевидности сердца и постепенно прояснять, изменять и преображать суеверия? В действительности может происходить только так, что каждый народ сам себе пробивает дорогу к религиозному преображению, и именно неповторимым своим путём, в творческой свободе...

И когда я время от времени в Западной Европе слышу: «Россию следовало бы однажды всё же истинно евангелизировать», – у меня постоянно возникает чувство, что *мало верующий хочет перенести своё скудное и беспомощное полуверие, как «евангелизирование», более богато и страстно верующему.*

Таково в общих чертах то, что я хотел бы здесь высказать о русской вере. Эта вера возникла исторически и будет разрастаться с историческим становлением русского народа.

*Перевод с немецкого
кандидата философских наук И.В.Кулешовой*

¹ «Дневник писателя», 1877 год.